

Аракчеевскій кадетскій корпусъ.

„КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

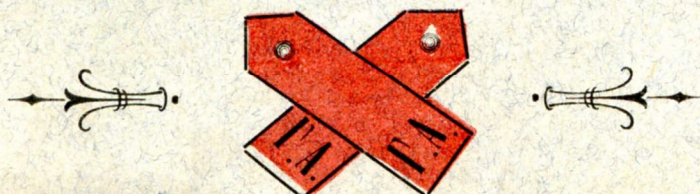
Нижегородскаго Графа Аракчеева

КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Содержаніе.

Отъ редакціи	3
По поводу выхода № 1-го	5
I. Медальонъ. Разсказъ. В. Печальный	7
Три вечера. Стихотвореніе. В. А. М.	20
Поѣздка въ с. Курцево. Элька.	21
Поздняя осень. Стихотвореніе Е.	26
Къ морю. Очеркъ. В. Р.	27
Быль тихій вечеръ. Стихотвореніе. Непонятый.	29
II. Старшіе кадеты въ младшей ротѣ. В. Р.	30
III. Хроника кадетской жизни. 1. Посѣщеніе корпуса Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ. 2. Дмитріевская суббота. 3. Ротный праздникъ 1-й роты. 4. День 26-го ноября. 5. Мелочи кадетской жизни.	33

1907.

Нижній-Новгородъ.

р 176.3
 на правах рукописи.
 Дс.р 176(3)

Аракчеевскій кадетскій корпусъ.

„КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ“

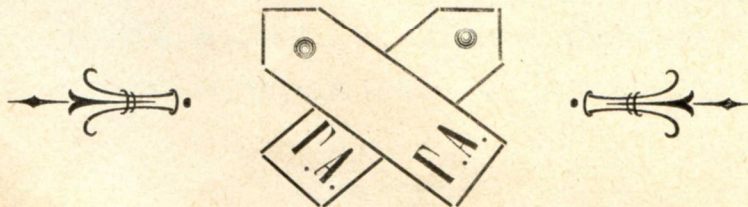
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Нижегородскаго Графа Аракчеева
КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Содержаніе.

Отъ редакціи	3
По поводу выхода № 1-го	5
I. Медальонъ. Разсказъ. В. Печальный	7
Три вечера. Стихотвореніе. В. А. М.	20
Поѣздка въ с. Курцево. Элька.	21
Поздняя осень. Стихотвореніе Е.	26
Къ морю. Очеркъ. В. Р.	27
Быль тихій вечеръ. Стихотвореніе. Непонятый.	29
II. Старшіе кадеты въ младшей ротѣ. В. Р.	30
III. Хроника кадетской жизни. 1. Посѣщеніе корпуса Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ. 2. Дмитриевская суббота. 3. Ротный праздникъ 1-й роты. 4. День 26-го ноября. 5. Мелочи кадетской жизни.	33

1907.

Нижній-Новгородъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кадетская Мысль» предполагается быть раздѣленнымъ на три отдѣла:

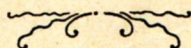
Первый отдѣлъ—отдѣлъ беллетристики, въ которомъ будутъ помѣщены рассказы, художественныя произведенія, воспоминанія и стихотворенія кадетъ корпуса.

Второй отдѣлъ—отдѣлъ общественный, содержащій въ себѣ статьи, трактующія о различныхъ вопросахъ, кромѣ вопросовъ политики, въ которыхъ мы, кадеты, не можемъ быть настолько компетентны, чтобы осветить ихъ болѣе или менѣе правильно. Въ составъ общественаго отдѣла будетъ также входить критика произведеній г.г. кадетъ и юнкеровъ тѣхъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ, въ которыхъ существуетъ свой печатный органъ, а также и небольшіе рефераты о произведеніяхъ нашихъ писателей.

Третій отдѣлъ будетъ содержать хронику кадетской жизни.

Цѣль журнала «Кадетская Мысль»—быть звеномъ организационной связи между всѣми кадетами какъ своего, такъ и другихъ корпусовъ, обладающихъ однимъ изъ наилучшихъ своихъ богатствъ,—кадетскимъ журналомъ.

Хотѣлось бы, чтобы нашъ печатный органъ по своему содержанию былъ справедливымъ выразителемъ нашихъ стремленій, желаній и мыслей. Пусть девизомъ нашего дорогаго журнала будетъ «стремленіе къ правдѣ и знанію».

ОТЪРЪЖЕНІЕ

Въспомогательный текст, расположенный под заголовком.

Второй абзац текста, начинающийся с новой строки.

Третий абзац текста, содержащий основную часть информации.

Четвертый абзац текста, завершающий основной блок.

Пятый абзац текста, начинающийся с новой строки.

Шестой абзац текста, завершающий документ.

По поводу выхода перваго № журнала

„Кадетская Мысль“.

Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и усилій, намъ удалось выпустить въ стѣнахъ родного корпуса 1-й номеръ журнала «Кадетская Мысль».

Не будемъ слишкомъ строго относиться къ содержанию выпускаемаго № журнала, не будемъ много требовать отъ этого еще не оперившагося органа, заключающаго на своихъ страницахъ наши первые труды. Конечно въ журналѣ есть, можетъ быть, много недостатковъ и пробѣловъ какъ во внѣшней формѣ, такъ и въ содержаніи, происходящихъ отъ неполнаго развитія нашихъ духовныхъ силъ; но мнѣ кажется, что эти недостатки нельзя строго осуждать, такъ какъ этотъ номеръ есть первая попытка, первые наши шаги на литературномъ поприщѣ, да не столько важно содержаніе перваго номера журнала, сколько фактъ его выхода, фактъ, указывающій на сознательное стремленіе среди кадетъ къ умственной дѣятельности, которая столь необходима для развитія нашихъ интеллектуальныхъ силъ. Да и что можетъ болѣе содѣйствовать этому, какъ не журналистика, приучающая насъ логично мыслить и на бумагѣ правильно излагать обдуманная мысли. Но и этимъ не ограничивается польза, приносимая намъ журналомъ: развѣ обмѣнъ мнѣній и идей не расширитъ нашъ умственный кругозоръ, не выведетъ насъ изъ круга однообразныхъ узкихъ и одностороннихъ впечатлѣній нашей корпусной живни? Конечно, да. Однако для успѣшнаго веденія журнала необходимо приложить много энергіи и старанія, такъ какъ небрежность и индефферентизмъ со стороны кадетской среды въ этомъ дѣлѣ легко могутъ разстроить нашу первоначальную попытку и остановить ее въ самомъ зачаткѣ.

Такъ приложимъ же, товарищи, всѣ наши силы для собственной пользы, организуемся для работы и будемъ дѣйствовать сообща, не смущаясь и не останавливаясь передъ какими бы то ни было препятствіями! Только непрерывная работа и сознательное отношеніе къ дѣлу поддержать нашъ новый журналъ и будутъ способствовать его прогрессу и процвѣтанію.

Редакторъ.

„Медальонъ“.

Разсказъ.

(Посвящается М. С.)

..... и разошлись они
И стало казаться бредомъ. наконецъ
Что былъ дѣйствительно когда-то,
Скрѣпленный искренно и свято,
Союзъ двухъ любящихъ сердець...

(Изъ Гейзера).

I.

Было чудное апрѣльское утро, когда кадеты 1-й роты N-скаго корпуса вернулись изъ церкви и почти всѣ собрались въ такъ называемой «занималкѣ», въ которой въ обыкновенное время вечернихъ занятій царитъ тишина.

Гуль отъ говорившихъ голосовъ, веселаго смѣха, внезапнаго окрика кого-нибудь, — стоялъ невыносимый и разобрать о чемъ здѣсь говорилось и кричалось было прямо таки невозможно.

— «Георгій! Амилохвари! Поди сюда!!», пронесся вдругъ по «занималкѣ» окрикъ одного изъ кадетъ.

— «Что?! Я здѣсь!»

— «Да иди же, дьяволь, сюда! Пора идти въ отпускъ, двѣнадцатый часъ, а то опоздаемъ на пароходъ!»

— «Сейчасъ! дай досказать... иду!»

Тотъ, кто звалъ Георгія, стоялъ около дверей «занималки» и, облокотившись на косякъ, велъ оживленную бесѣду съ товарищемъ. Это былъ высокій брюнетъ, некрасивый, но, кажется, довольно симпатичное лицо котораго въ эту минуту было, какъ будто взволновано.

— «Да иди же, Георгій, скорѣе! а то ей-Богу опоздаемъ!»

— «Иду... иду!» отозвался Георгій и подошелъ къ Евгению Ларину. Это былъ юноша, очень недурень собою: большой орлиный носъ, черные выразительные глаза, небольшіе черные усики и бѣлые, какъ мраморъ, зубы,—все это шло къ нему, какъ нельзя лучше. Во всей его коренастой красивой фигурѣ проглядывала сильная натура горца. Подошедши къ товарищу и увидѣвъ, что онъ «не въ духѣ», Георгій, кладя руку на его плечо, сказалъ:

— «Ну, не сердись и не нервничай, а идемъ скорѣе одѣваться, а то и на самомъ дѣлѣ опоздаемъ!»

Они вышли, а вслѣдъ имъ кричали:

— «Эй! публика, смотри! «Наши женихи» уже отправляются! и «занималка» разразилась громкимъ смѣхомъ.

Минуть черезъ десять Ларинъ и Амилохвари уже являлись дежурному воспитателю, а еще минутъ черезъ пять подходили къ большому бѣлому дому, у парадной двери котораго ихъ поджидала Екатерина Павловна—хозяйка дома, очень миловидная и симпатичная дама.

II.

Вечерѣло. Жаръ свалилъ и во всемъ чувствовалась какая-то истома. Послѣ невыносимаго іюльскаго зноя теперь какъ-то особенно было хорошо. На обрывѣ надъ Окою стоялъ Борисъ Щедринскій,—некрасивый, съ веснушками на лицѣ и едва замѣтными пробивающимися усиками, но очень симпатичный юноша, въ сатиновой красной рубахѣ и кадетской фуражкѣ, держа подъ руку хорошенькую дѣвушку,—хорошенькую, какъ и вся окружающая природа. А вокругъ дѣйствительно было хорошо: угрюмый, какъ дѣдушка-морозъ, обрывъ, покрытый мохомъ,—внизу величественная Ока,—а за нею до самаго горизонта виднѣлся зеленый лѣсъ, чуть-чуть покачивавшій верхушками своихъ деревьевъ. Кругомъ было такъ тихо, что казалось, если-бъ ктонибудь нарушилъ эту волшебную тишину, то самъ бы Богъ воспрепятствовалъ этому.

— «Нина», тихо обратился юноша къ задумчиво глядящей куда-то вдаль дѣвушкѣ:

— «Пойдемте кататься на лодкѣ. Теперь такъ хорошо. Такъ тихо!»..

Она молчала. Борисъ повторилъ свое предложеніе еще тише и посмотрѣлъ въ лицо дѣвушки. Нина вздрогнула отъ его страстнаго шопота и, повернувъ къ нему свое блѣдное личико, какъ бы во снѣ, сказала:

— «Что?... пойдете!»

Они начали тихо спускаться по тропинкѣ внизъ. Борисъ тихо сжималъ ея миниатюрную ручку, доврчиво лежавшую у него на рукѣ. Они молчали: не хотѣлось нарушать этой чарующей тишины. Только изрѣдка они по долгу смотрѣли другъ на друга и во взглядахъ, полныхъ нѣги, любви и невольной страсти, нельзя было прочесть ничего.

Сумерки сгущались. Спустившись къ рѣкѣ, они еще долго стояли надъ водою, слѣдя за ея быстрымъ теченіемъ и любуясь игрой едва замѣтныхъ волнъ. Кое-гдѣ, по временамъ на зеркальной глади извивающейся широкой голубой лентой рѣки раздастся плескъ и въ воздухѣ мелькнетъ серебряная чешуйка рыбки, которая въ одно мгновеніе скроется и опять тихо... тихо... Борисъ осторожно опустилъ руку Нины и направился къ лодкѣ; отвязавъ ее и вложивъ въ уключины весла, онъ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— «Что это вы, дорогая, задумались? А?!»

Она подняла на него полные любви и дѣвичьяго стыда глаза, улыбнулась, взяла его за рукавъ рубашки и повела къ лодкѣ:

— «Боря! Вы только поѣзжайте вверхъ и какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе! Я хочу, чтобъ мы также плыли, какъ на пароходѣ!» наивно замѣтила она. Борисъ улыбнулся, какъ улыбаются старшіе, услышавъ что нибудь отъ маленькаго ребенка.

— «Хорошо, моя дорогая, буду грести сколько хватитъ силъ»... Она размѣялась.

Юноша налегъ на весла и лодка быстро полетѣла, разрѣзая воду и оставляя за собою узкую полосу пѣны, все расширяющуюся и, наконецъ, исчезающую, сливаясь съ поверхностью рѣки. Такъ плыли они съ четверть часа, слышны были только удары веселъ и плескъ воды. Борисъ вдругъ

бросилъ грести и положилъ весла на края лодки. Еще нѣ-
которое время лодка плыла впередъ, потомъ начала медленно
заворачивать и пошла по теченію.

— «Нина, вамъ не холодно?» обратился онъ къ дѣвушкѣ
и пересѣлъ на скамейку ближе къ ней. Стало уже совсѣмъ
темно; ночь надвигалась, какъ черная грозовая туча, и вна-
чалѣ блѣдныя звѣзды превратились въ миллиарды свѣтящихся
точекъ; показалась луна и бросила свои лучи на поверхность
рѣки, играя ея серебристыми волнами; посмотрѣла въ личико
молодой дѣвушки, отчего оно сдѣлалось блѣднымъ, какъ мраморъ.
Темные, полные нѣги и истомы, глаза дѣвушки смотрѣли
какъ то особенно вдаль. Она задумалась. И чудилось ей:

— «Вотъ она маленькая, бѣгаетъ босикомъ по большому са-
ду на дачѣ у бабушки. Жара стоитъ невыносимая, но она
не чувствуетъ усталости; все ея существо наполнено какой-
то особенной силой веселья и безопасности, и она кричитъ
своимъ тонкимъ звонкимъ голосомъ:

— «Лиза!.. Вонъ гнѣздо... видишь, вонъ на самомъ вер-
ху!.. Полѣземъ, можетъ тамъ есть яички. . помнишь такія
же, какъ были у меня, да я ихъ разбила!» и не дождавшись
отвѣта своей юной подруги, она уже карабкается, какъ ко-
тенокъ, по сучкамъ дерева... Вотъ она забралась, какъ ей
кажется, высоко, а до гнѣзда еще далеко. Она смотритъ
внизъ... у ней кружится ея маленькая головка... ей страшно.
Но она напрягаетъ послѣднія силы и подымается выше...
вотъ она добралась почти до гнѣзда, поднимаетъ свою ма-
ленькую исцарапанную рученку».....

— «Что съ вами, Нина?» вдругъ прерываетъ ея мечты Бо-
рисъ—«вы, кажется, о чемъ то ужъ очень задумались?! Я за
вами все время слѣжу, и вы хоть бы разъ моргнули! О чемъ
вы сейчасъ думали?»

— «Не скажу»... отвѣчаетъ она, улыбаясь.

— «А хотите я вамъ скажу? Вы думали... вы... думали...
Онъ не договорилъ и взялъ ея руку. Нина не противилась.
Ея рука была холодна и нервно вздрагивала. Борисъ, испол-
ненный любви и страсти, сжималъ эту дорогую для него ру-
ку и смотрѣлъ Нинѣ въ глаза.

— «Нина!» взволнованно началъ онъ. — «Нина! я долго
не рѣшался сказать вамъ, что я люблю... я долго думалъ

надъ этимъ... долго ждалъ... но, больше я не въ силахъ... Ни-на! я люблю тебя, какъ никогда, и никого до сихъ поръ я... не любилъ еще... Дорогая моя! счастье мое, жизнь моя, повѣрь мнѣ и люби! Ну, не молчи же... отвѣть, что любишь... отвѣть «да» — скажи, что ты моя! Ни-на, Нина люби!!» дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ и припалъ къ ея рукѣ, и... чарующая тишина была нарушена тихимъ долгимъ поцѣлуемъ.

— «Оставь... Оставьте!»... прошептала она, освобождая свою руку. Но Борисъ не выпускалъ ея. Голова его упала ей на колѣни и скажи она слово, онъ зарыдалъ бы отъ счастья и муки.

Лодка покачнулася.

— «Боря! мнѣ холодно; ѣдемъ домой!»

Онъ очнулся, привсталъ, взялся за весла и посмотрѣлъ на нее:

Ахъ! какъ хороша она была въ эту минуту, озаренная матовымъ свѣтомъ луны...

Гдѣ-то въ сторонѣ засвисталъ соловей. Онъ пѣлъ о счастьѣ Нины.

III.

Августъ подходилъ къ концу. вмѣсто ожидаемой всѣми дачниками теплой хорошей осени, какъ на зло, безпрывно шелъ мелкій частый дождикъ. Темно-сѣрыя тучи зоволокли все небо; поривистый холодный вѣтеръ срывалъ пожелтѣвшіе листья и устилалъ ими мокрую землю. Не было слышно больше соловья, который когда-то раньше, такъ хорошо пѣлъ о счастьѣ Нины.

На улицахъ стояла невылазная грязь, и не было уже видно, какъ бывало прежде, веселыхъ дачниковъ, наслаждающихся свѣжимъ воздухомъ чарующаго лѣта.

Все было голо и пусто.

И въ сердцѣ Нины чувствовалась какая-то томящая тоска и пустота. Кто-то постучалъ въ дверь ея комнаты.

— «Войдите!»

Вошелъ Борисъ. Онъ подошелъ къ Нинѣ, взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать.

— «Не смѣйте!... подите прочь! Ахъ, какъ я васъ ненавижу, если-бъ вы только знали!»

— «Ненавидишь?!, *pardon*, ненавидите?! ха-ха-ха, съ какихъ это поръ?. Вы, Нина, хотѣли, чтобъ я за вами все время бѣгалъ, какъ собаченка; изъ «краснаго», какъ вы изволите выражаться, превратился въ «бѣлаго», или вѣрнѣе, въ черносотенца; и все изъ-за любви? ха-ха-ха! Право смѣшно, Нина! Да знаете ли вы, какая пропасть раздѣляетъ человѣка съ высшими идеями отъ человѣка, тѣмъ болѣе отъ женщины, съ такими нелѣпыми, грубыми пошлыми взглядами, какъ у васъ, Нина? О, эту пропасть, Нина, нельзя уничтожить; она раздѣляетъ эти два существа, и они никогда, никогда не сойдутся! Послушайте меня, что»....

— «Оставьте вы меня, ради Бога, замолчите!!.. Уже слышала я это отъ васъ не разъ,—все мнѣ надоѣло... уйдите... не хочу я васъ слушать... дайте мнѣ жить и думать такъ, какъ это я хочу, а не вы; вы мнѣ опротивили съ вашими взглядами и «возвышенными» убѣжденіями... оставьте меня!» почти истерически закричала она.

— «Что же!!.. прощайте... всего хорошаго! Оставайтесь такая же упрямая, такая же «бѣлая»... мнѣ безразлично. Разъ вы уперлись на своемъ, васъ ничѣмъ не разубѣдишь. Прощайте!!»

Онъ вышелъ, а она, рыдая, бросилась къ себѣ на кровать и... любила своего Борю.....

Уже стемнѣло, когда Екатерина Павловна вошла въ комнату дочери и застала ее спящей на кровати, уткнувшеюся лицомъ въ подушку.

— «Господи! что это съ ней? не больна-ли? Нина, что съ тобою?! проснись!» обратилась она къ дочери, трогая ее за плечо. Нина подняла голову; увидавъ мать, приподнялась и хотѣла встать, но ноги не повиновались, и она, беспомощно, опустивъ голову на подушку, зарыдала.

— «Дорогая моя, что съ тобою, голубка моя, ну что случилось? Ну расскажи, расскажи же своей мамѣ!» обращалась растроганная мать къ дочери, покрывая голову ея поцѣлуями.

Нина ничего не отвѣчала и только изрѣдка, сквозь истерическія рыданія, у ней вырывалось:

— «Ма-ма,—ма-ма!»...

— «Господи, Боже мой, что это съ нею? Хорошая моя, успокойся... раздѣнься, лягь... ну перестань же... ну полно, моя радость!» шептала испуганная женщина, укладывая свое ненаглядное дѣтище въ постель. Нина не сопротивлялась; мать раздѣла ее и, уложивъ въ кровать, бережно прикрыла одѣяломъ.

Нина заболѣла. И сквозь неясный хаосъ звуковъ бреда вылетали слова, полныя муки и любви.

— «Ты не любишь... уходишь... оставь... противный, я ненавижу тебя, уйди!!—уйди!. Мама!!» вдругъ вскрикивала она, метаясь изъ стороны въ сторону по своей кроваткѣ.

Бѣдная мать не знала чѣмъ успокоить несчастную дочь.

А Борисъ въ это время сидѣлъ у себя въ комнатѣ и, развалившись на диванѣ, думалъ, вспоминая подробности своей мимолетной вспышки:—«какъ это могъ я увлечься такой дѣвушкой, какъ Нина?! Ну, да все равно; вѣдь теперь все кончено»..

И какъ бы въ отвѣтъ на его мысли, за окномъ раздавались глухія рыданія бури, повторяя «все кончено!..

IV.

Зима давно вступила въ свои права, а Нина все еще недомогала; хотя она и ходила каждый день въ гимназію и хотѣла казаться здоровой и веселой, но по блѣдному, изнуренному лицу ея было все еще видно, что она больна.

Никто изъ докторовъ не могъ опредѣлить, что съ нею; да и трудно было—она болѣла душой.

Борисъ бывалъ у нихъ въ домѣ довольно часто, но прежнихъ отношеній, какъ и не бывало. Онъ обращался съ Ниной очень холодно, даже пренебрегалъ ею, или вѣрнѣе, презиралъ ее. Онъ считалъ ее гораздо ниже себя въ умственномъ развитіи и удивлялся, какъ онъ могъ ею увлечься. А она страдала, она любила его еще больше—въ ней заговорила женщина.

И каждый разъ, какъ только уходилъ отъ нихъ Борисъ, Нина отправлялась въ свою комнату спать,—доставала изъ комода его истертую карточку, подолгу смотрѣла на нее, покрывая поцѣлуями и шептала:

— «Боря, милый мой, какъ я люблю тебя.. люблю и ненавижу!..»

Потомъ бережно прятала карточку обратно, и ложилась. И долго она еще не могла заснуть, вспоминая старое, давно прошедшее счастливое...

Дни шли. Наступили Рождественскіе праздники. Нина совсѣмъ оправилась, только изрѣдка находила на нее тихая грусть при воспоминани о прошломъ.

Былъ четвертый день святокъ, когда поздно вечеромъ позвонили у дверей квартиры Екатерины Павловны.

— «Принимаете-ли ряженныхъ?» раздался вопросъ.

— «Пожалуйте! входите!» закричала Нина изъ гостиной. Не успѣли всѣ пришедшіе раздѣться, какъ уже изъ залы доносились чарующіе звуки вальса «Лѣсная сказка», и Нина порхала, какъ ласточка, съ какимъ-то цыганомъ.

Мало по малу гостиная наполнялась, входившими масками въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, веселымъ смѣхомъ и шумнымъ говоромъ. Все веселилось. Время летѣло незамѣтно. Около Нины все время находились цыганъ и черкезь. Это были—Георгій и Евгеній,

— «Я васъ не знаю, господа! снимите же маски!» весело щебетала она.

— «Но за то мы васъ знаемъ, Нина!» смѣясь отвѣчали ей ряженные. Наконецъ, хозяйка предложила снять всѣмъ маски, познакомиться и пойти закусить. Всѣ охотно согласились на ея предложеніе. Скоро гостиная опустѣла, а въ столовой раздавался звонъ посуды, веселый смѣхъ и частые окрики Евгенія, предлагавшаго тостъ за здоровье Нины. Георгій поддерживалъ его, и за здоровье хорошенькой Нины было выпито не малое количество вина.

Нина въ этотъ вечеръ дѣйствительно была хороша: цвѣта кремъ, съ открытой шейкой, кофточка, плотно облегалая ея чудную фигурку; коричневая съ кружевами юбка была длинна, какъ у взрослыхъ; только распущенные, вьющіеся спиралеобразно, длинные темно-каштановые волосы придавали ея полному розовенькому личику выраженіе 15—16 лѣтней дѣвушки. Послѣ ужина всѣ опять направились въ гостинную, гдѣ опять раздались звуки вальса, и Нина первая полетѣла въ его вихрѣ, можетъ быть, вихрѣ счастья.

Уже было совсѣмъ поздно, когда ряженные стали собираться, и скоро гостинная опустѣла. Нина сидѣла полуразвалившись на турецкомъ диванѣ, улыбалась и думала:

— «Какіе они всѣ хорошіе, веселые, въ особенности цыганъ и черкесь».

— «Мама», вдругъ обратилась она къ проходившей матери, — «въ субботу надо будетъ обязательно ихъ пригласить, они мнѣ очень нравятся!»

— «Хорошо, хорошо, моя птичка! Ты не устала, нѣжно обратилась мать къ Нинѣ, цѣлуя ее въ лобъ.

— «Нѣтъ, мамочка, нѣтъ!»... .

И это былъ первый день, когда Нина, ложась спать, не вспоминала о Борисѣ.

И это была первая ночь, когда она спала спокойно, и ей все время грезилась ряженные цыганъ и черкесь.

И, кажется, только теперь въ первый разъ она была спокойна и счастлива.

Дни проходили за днями. Суровую зиму скоро смѣнила веселая весна. Ледъ тронулся; по улицамъ города текли грязные ручейки; воробьи радостно чирикали; Нина оживилась.

Евгеній и Георгій часто бывали въ домѣ Екатерины Павловны, и почти все время проводили около Нины. Они ее любили, любили первыми порывами страсти, первой юношеской любовью. Она, какъ казалось имъ, выдѣляла ихъ изъ всей среды окружавшей ее молодежи; она, какъ казалось имъ, отвѣчала имъ маленькой взаимностью; она даже разъ сказала имъ:

«Вы оба два — моя любовь, моя мечта!»

Какъ хотѣлось вѣрить этому; какъ искренно, горячо хотѣлось вѣрить ея словамъ!

И они вѣрили...

Они любили.

V.

— «А! вотъ и вы, наконецъ!» обратилась Екатерина Павловна къ подходившимъ къ дверямъ Евгенію и Георгію. — «Что это такъ поздно? Нина васъ ждетъ, а васъ все нѣтъ»

какъ нѣтъ! Ну входите, входите!» говорила она кадетамъ, протягивая имъ свою еще молодую, красивую руку.

Юноши вошли въ прихожую, гдѣ поджидала ихъ Нина. Она была такъ же одѣта, какою они ее видѣли въ первый разъ, когда прѣзжали ряжеными, только на шейкѣ у нея висѣлъ золотой медальончикъ и волосы были заплетены въ двѣ толстыя косы.

— «Нина! уйдите, мнѣ стыдно на васъ смотрѣть послѣ вчерашняго», обратился Евгеній къ дѣвушкѣ, одною рукою закрывая покраснѣвшее лицо и протягивая ей другую.

— «Да, конечно, должно быть стыдно!» строго замѣтила она ему.

Евгеній прошелъ въ гостинную, гдѣ уже въ креслѣ сидѣла Екатерина Павловна, говоря что-то своей младшей дочери Кирѣ.

— «Вы меня, Екатерина Павловна, простите за то что я вчера у васъ выпилъ лишнее; Ей-Богу это, какъ то случайно!»

— «Да я то что! я только боялась, чтобы вы въ корпусѣ не попались», отвѣтила Екатерина Павловна, протягивая еще разъ ему руку.— «А вотъ Нина, такъ она очень на васъ разсердилась. Не ожидала она этого отъ Жени! Ну да это уже прошедшее, будьте только въ другой разъ «паинькой». Хотите курить? Папиросы вонъ на томъ столикѣ; ихъ набивала Нина для васъ».

Евгеній, взявъ папиросу, сѣлъ на диванъ и закурилъ. Въ комнату вошли Нина и Георгій.

— «Ниночка, вы на меня не сердитесь за вчерашнее, простите своего Женьку! Право, больше не буду!» сказалъ Евгеній подходя къ дѣвушкѣ и беря ее за руки.

— «Не знаю.. посмотрю! А пока».. и она, улыбаясь, погрозила ему пальчикомъ,— «пока я еще сержусь!»

Евгеній отошелъ къ окну и закурилъ. Нина не заговаривала съ нимъ, только изрѣдка бросала на него свой чудный взглядъ и улыбалась, какъ бы наслаждаясь тѣмъ, что онъ мучается отъ стыда и отъ того, что она на него сердится.

Въ передней раздался звонокъ и вошелъ еще одинъ кадетъ, держа фотографическій аппаратъ.

— «Господа!» обратился онъ къ присутствующимъ,—

«простите что задержалъ, но мнѣ надо было сходить въ городъ за пластинками. . ну, а теперь двигаемся, а то опоздаемъ на пароходъ!» Всѣ начали одѣваться и направились къ пристани, чтобъ ѣхать на дачу и тамъ погулять.

Когда всѣ подходили къ пристани, Георгій обратился къ Нинѣ и сказалъ:

— «Какую великую истину, Нина, сказалъ Пушкинъ: «чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей!» вѣдь правда?»

— «Нѣтъ, я не согласна!»

— «Ну, а ты, какъ думаешь, Евгеній?» обратился онъ все время къ молчавшему товарищу.

— «Да, это правда: «чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей!» произнесъ тотъ съ какой-то особенной интонаціей.

Они подошли къ пристани.

Ока была въ полномъ разливѣ. Пароходъ, на которомъ они ѣхали, гулко стучалъ колесами о воду. Передъ ихъ глазами мелькали живописныя мѣста. Евгеній, который такъ любилъ природу, теперь совершенно не обращалъ вниманія на мелькавшія передъ нимъ чудныя картины, а задумчиво сидѣлъ поодаль отъ всей компаніи, и все время смотрѣлъ куда-то вдаль, но чувствовалъ, что на него смотритъ изрѣдка добрыми глазами любимая имъ дѣвушка, чувствовалъ ея улыбку, и ему еще больнѣе было, что она такъ надъ нимъ издѣвается.

Пароходъ замедлилъ свой ходъ и началъ подходить къ пристани дачной мѣстности.

— «Мамочка!.. вонъ наша дача! видишь?» крикнула вдругъ Нина. И не дождавшея отвѣта отъ матери, она подошла къ Евгенію и сказала:

— «Женя! идите за мною. Я на васъ больше не сержусь!»

Онъ всталъ и пошелъ за нею. Народъ уже толпился у выхода, когда они подходили къ нему.

— «Вы меня простили только такъ, наружно, а въ душѣ продолжаете сердиться?!» обратился Евгеній къ Нинѣ, которая протискивалась къ выходу.

— «Нѣтъ, ей Богу простила!» обернувшись и смѣясь, замѣтила она.

Въ это время гулъ пароходной машины прекратился, и пароходъ остановился у пристани. Чуть-ли ни первой выскочила Нина и, какъ дикая козочка, побѣжала на гору къ своей любимой дачѣ.

— «Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!» звонко кричала она, бѣгая по зеленѣющей травкѣ. Георгій и Евгенийъ шли тихо сзади и любовались на любимую дѣвушку. Они любовались, какъ она бѣгала, лазила, какъ кошечка, по деревьямъ, прыгивала оттуда и опять скоро бѣжала. Лицо ея покраснѣлось, волосы растрепались, глаза бѣгали во всѣ стороны—она тогда походила на лѣсную фею.

Вдругъ она обратилась къ Евгению и Георгию и крикнула: — «Ловите!» и порхнула въ сторону.

Ларинъ и Амилъхвари бросились за нею, бѣгали, ловили.

Но время летѣло незамѣтно. Уже вечерѣло, когда Евгенийъ и Георгій присѣли отдохнуть у полотна желѣзной дороги, проходившаго недалеко отъ дачи.

— «Да, знаешь, Евгенийъ, у меня есть медальонъ Нины; мнѣ его дала Екатерина Павловна спрятать, чтобы Нина не потеряла.

Онъ вынулъ его изъ бокового кармана и показалъ товарищу.

— «Тамъ ничего нѣтъ?»

— «Нѣтъ, кажется, ничего; мнѣ Нина показывала, тамъ было пусто.

Они раскрыли медальонъ, тамъ дѣйствительно было пусто.

— «Какъ хочешь, Евгенийъ, а это странно! Неужели же у Нины нѣтъ никого, кого бы она... кого бы она могла вставить?! Не понимаю!»

— «Да.. довольно странно!»

Георгій и Евгенийъ начали разсматривать устройство медальона, подняли рамочку, вынули синюю бумажку и вдругъ... ни Георгъ, ни Евгенийъ не вѣрили своимъ глазамъ: подъ синенькой бумажкой былъ портретъ Бориса. Онъ былъ весь истертъ, такъ что сразу даже трудно было опредѣлить кто это; только характерное выраженіе губъ и прическа на бокъ выдали, что это Борисъ Щедринскій.—

— «Ни-на! Ни-на! за что?! за что?! «Вы оба два—моя любовь, моя мечта!» ха-ха-ха!! какая ложь, какая гнусная ложь!!...

Георгій, за что?! Ни-на!.. А...а...а!!» прошепталъ Евгеній, обращаясь къ Георгію. И въ этомъ его шопотѣ было все:—и жгучая ревность, и безумная любовь къ ней, и угрызеніе совѣсти за то, что онъ сдѣлался невольнымъ повѣреннымъ ея тайны,—тайны, которую она такъ долго оберегала отъ всѣхъ.

— «Да за что, за что?!..» спросилъ въ свою очередь и Георгій.

Такъ оборвалась небольшая полоса счастья въ жизни Георгія и Евгенія. Въ ихъ молодыхъ душахъ оборвались струны любви, печальный послѣдній звукъ которыхъ раздался въ наболѣвшихъ сердцахъ такимъ грустнымъ аккордомъ....

VI кл.

В. Печальный.

Три вечера.

*Былъ вечеръ тихій и прохладный:
Садилось солнце за блестящею рѣкой,
Подъ легкой вѣтерокъ листы слегка шумѣли,
И въ сердцѣ, и кругомъ былъ радостный покой.*

*
* *

*Другой былъ вечеръ пасмурный, дождливый:
На всемъ туманная лежала пелена,
И непривѣтливо, и мрачно, и тоскливо
Такъ было все кругомъ, и въ сердцѣ у меня.*

*
* *

*Еще былъ памятенъ одинъ мнѣ вечеръ мѣтнѣй:
На небѣ громъ раскатами гремѣлъ,
И вѣтеръ бушевалъ, и дождь потокомъ лился,
И сердцемъ я чего то новаго хотѣлъ.*

*
* *

*Который же изъ этихъ вечеровъ минувшихъ
Былъ для меня отраднѣе другихъ?
Вы скажете, что первый?—Нѣтъ! Скажите,
Что третій былъ счастливѣйшимъ изъ нихъ.*

*
* *

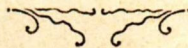
*Онъ показалъ, какъ надо жить, за жизнь бороться;
Онъ въ душу мнѣ вложилъ желанія борьбы:
Въдѣ послѣ сильныхъ бурь и тяжкихъ испытаній
Полнѣе и свѣтлѣе бываютъ счастья дни.*

*
* *

*Я про второй скажу еще два слова,
Вы избѣгайте ихъ, юните прочь скорый!
Пусть лучше вѣчная бушуетъ съ сердцѣ буря—
Она счастливѣе тоски и мрака дней!*

VI кл.

В. А. М.

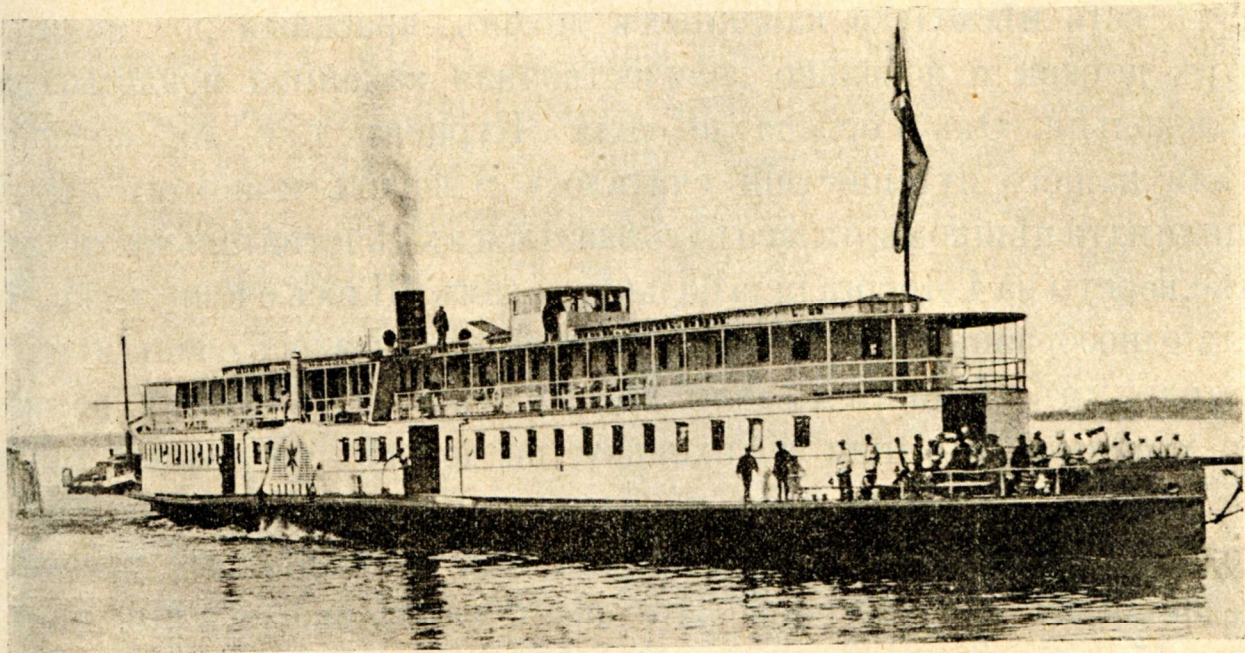

Поѣздка въ село Курцево.

(Изъ экскурсионныхъ воспоминаній).

26-го юля № года мы отправились въ экскурсію въ с. Курцево. Чтобы попасть туда, нужно было проѣхать 48 верстъ вверхъ по Волгѣ отъ Нижняго до села Городца, откуда до Курцева оставалось лишь нѣсколько верстъ. Изъ лагерей выѣхало насъ всего 13 кадетъ разныхъ классовъ, а трое остались, потому что подготавливались къ переэкзаменовкамъ. Мы выступили въ 10¹/₂ часовъ утра, предварительно захвативъ съ собою различныя вещи, рыболовныя снасти, словомъ все, что могло намъ послужить для времяпрепровожденія въ деревнѣ. Съ нами поѣхали: ротный командиръ полковникъ Г., отдѣленный воспитатель штабсъ-капитанъ Л. и фельдшеръ. На трамваѣ мы доѣхали до корпуса, спустились на элеваторѣ на Нижній базаръ и отсюда направились къ пристани общества «Самолетъ». Пароходъ «Князь Феодоръ Ярославскій», на которомъ намъ пришлось

Волжскій пароходъ.

ѣхать, былъ, какъ и всѣ пароходы этого общества, очень чистый, хорошо обставленный, такъ что производилъ довольно хо-

рошее впечатлѣніе. Мы помѣстились на палубѣ, такъ какъ изъ за трехъ часовъ ѣзды да еще въ ясный, солнечный день, брать каюты было совершенно излишне. Пароходъ долго не отходилъ отъ пристани, и только во второмъ часу дня отчалилъ. Тѣмъ временемъ въ столовой 2-го класса намъ былъ приготовленъ обѣдъ. Онъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, былъ хорошо и вкусно приготовленъ, хотя и не отличался изобиліемъ. Пообѣдавъ, мы вышли на палубу. Хотя Нижній уже почти скрылся изъ глазъ, тѣмъ не менѣе близость города всетаки ощущалась: безпрестанно сновали взадъ и впередъ лодки, буксирные пароходы, таща за собою цѣлый рядъ нагруженныхъ баржей. Скоро мы проѣхали село Сормово, извѣстное своими обширными заводами. Теперь только нашъ пароходъ быстро разсѣкалъ навстрѣчу идущія волны. Намъ по дорогѣ рѣдко стали попадаться буксирные пароходы, баржи и т. п. Волга опустѣла. Часа черезъ 2 ѣзды мы подѣхали къ городу Балахнѣ. Съ парохода этотъ городокъ довольно живописенъ. Мы пристали къ пристани, на пароходъ погрузили товары и, минутъ черезъ 10, снова тронулись. Опять потянулись по обѣимъ сторонамъ крутые берега Волги. На пароходѣ становилось уже скучно; я нетерпѣливо всматривался въ даль, надѣясь вскорѣ увидѣть желанный Городецъ. Было уже 4 часа дня, когда мы стали къ нему подходить. Это очень большое село, расположенное на лѣвомъ берегу Волги. Тутъ есть нѣсколько каменныхъ домовъ, красивыя по архитектурѣ церкви и довольно величественная каменная монастырская колокольня. Отъ Городца до села Курцева, т. е. до конечной цѣли нашего путешествія считалось 8 верстъ и потому мы рѣшили идти пѣшкомъ; однако путь оказался въ дѣйствительности длиннѣе, версты на 4. Дорога шла больше по полю. Шлось очень легко. Послѣ однообразныхъ и скучныхъ лагерей все казалось очень привлекательнымъ. Немного мы шли лѣсомъ. Лѣса здѣсь преимущественно хвойные. Мы шли потихоньку; по дорогѣ собирали грибы, но всетаки къ концу пути порядочно устали. Часа черезъ 3 ходьбы, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ приваловъ, мы наконецъ подошли къ селу Курцево. Это очень небольшое селеніе, домовъ изъ 15, изъ которыхъ около 6 нежилыхъ. Въ селѣ находится небольшая деревянная церковь, окруженная каменной оградой; около церкви, внутри ограды, расположено кладбище. Подъ го-

Село Курцево.

рою, за церковью находится рѣка Узла — не широкая, но довольно глубокая. Намъ отвели избу около церкви. Она состояла изъ двухъ горницъ. Въ это то помѣщеніе мы энергично начали таскать сѣно и набивать имъ наши наволочки, стараясь устроиться на ночевку съ возможно большимъ комфортомъ. Было уже около 8 часовъ вечера. Мы расположились пить чай на открытомъ воздухѣ. Къ чаю намъ удалось собрать, хотя и не безъ хлопотъ, нѣсколько крынокъ молока. Выпивъ молока и чаю, мы пошли осматривать деревню, а часовъ въ 10 вечера всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ. На другое утро, искупавшись въ рѣкѣ и напившись чаю, мы съ ротнымъ командиромъ и воспитателемъ пошли въ деревню Букино, отстоявшую въ полверстѣ отъ Курцева. Тамъ проживали на дачѣ нѣкоторые наши воспитатели и преподаватели, съ которыми мы вскорѣ повстрѣчались, и всѣ вмѣстѣ отправились въ лѣсъ за грибами. По дорогѣ мы разговорились съ подполковникомъ С.—большимъ любителемъ рыбной ловли, и онъ предложилъ намъ къ вечеру отправиться ловить рыбу около его шалаша, устроеннаго на берегу рѣки Узлы, верстахъ въ 3-хъ отъ Букина. Мы, конечно, согласились, такъ какъ многіе изъ насъ очень любили этотъ спортъ. Въ лѣсу мы проходили до 12 часовъ дня и набрали 3 корзины бѣлыхъ грибовъ. Около лѣса мы купались въ Узлѣ, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ сильное теченіе, такъ что купаться было очень пріятно. Обѣдали мы въ Курцевѣ съ деревенскимъ хлѣбомъ и молокомъ. Когда начала спадать жара, часу въ 4-мъ, мы всѣ от-

правились съ самоваромъ къ рѣкѣ на одно очень живописное мѣсто, называемое «Яшина Порубка». Въ этомъ мѣстѣ рѣка очень красива. Съ одной стороны — крутой, обрывистый берегъ, почти отвѣсно спускающійся къ рѣкѣ, поросшій высокимъ сосновымъ лѣсомъ, который мѣстами доходитъ почти до самой воды; съ другой стороны — отлогій песчаный берегъ, поросшій частымъ кустарникомъ. Вся эта мѣстность, въ особенности въ ясный день, имѣетъ много величественнаго и привлекательнаго. Тутъ-то, на полянкѣ мы расположились пить чай. Сюда же пришли другіе воспитатели съ семьями, и устроился небольшой пикникъ. Я и еще четыре кадета, собиравшіеся съ подполковникомъ С. на ловлю, теперь начали бродить по рѣкѣ съ бреднемъ, для того чтобы наловить маленькихъ рыбокъ — живцовъ и захватить ихъ на ловлю для приманки. Часу въ шестомъ пятеро насъ, ротный командиръ, воспитатель и подполковникъ С. выѣхали на лодкѣ, взявъ съ собой удочки и другія рыболовныя принадлежности. Вскорѣ мы миновали мельницу и поѣхали къ шалашу, вверхъ по рѣкѣ; ѣхать пришлось часа полтора, и къ 9-ти часамъ вечера мы прибыли на мѣсто. На правомъ отлогомъ берегу рѣки былъ выстроенъ изъ вѣтвей шалашъ, служившій подполковнику С. столовой и жилищемъ на время ловли. Въ этомъ мѣстѣ рѣка была очень глубока. Мы попробовали ловить, но клѣва не было. Поэтому мы разставили удочки на ночь и принялись разводять костеръ. Вскорѣ изъ лѣса были притащены огромныя охапки хвороста, и костеръ скоро запылалъ. Картина была чудная: луна уже скрылась за лѣсомъ и только разгорѣвшійся костеръ широко освѣщаль мѣстность; тучи искръ подымались къ облакамъ и, не долетая до воды, медленно гасли въ окружающей ихъ темнотѣ; свѣтъ отъ костра далеко падалъ на воду, и сосѣдній берегъ съ хмурыми соснами выдѣлялся рельефно изъ темноты. Мы вскипятили воду и заварили чай, начали печь картошку. Чай былъ очень горячъ, но мы студили его самымъ примитивнымъ способомъ: просто погружали кружку въ воду, и чай охлаждался; то-же дѣлали и съ картошкой. Мы натаскали много хвороста, намѣреваясь поддерживать костеръ всю ночь. Наконецъ въ первомъ часу ночи мы расположились на отдыхъ, кто какъ и гдѣ могъ. На слѣдующее утро, когда я проснулся, товарищъ мой — сосѣдъ, еще спалъ. Было около 4-хъ часовъ утра. Я вылѣзъ изъ шалаша. Подполковникъ С. уже

ловилъ рыбу съ лодки, многіе кадеты встали и ловили съ берега. Я взялъ свои удочки и принялся за ловлю. Однако рыба клевала плохо. Подполковникъ С. поймалъ небольшого леща и головля, а мы только небольшихъ рыбёшекъ. Такъ мы проловили часовъ до семи. Потомъ подполковникъ С. поѣхалъ на другое мѣсто, а мы отправились домой — кто пѣшкомъ, кто на лодкѣ. Около Курцева мы встрѣтились съ оставшимися кадетами, которые шли купаться, и присоединились къ нимъ. Купаться было довольно хорошо; правда, было одно неудобство: на большомъ разстояніи было очень мелко, но были и глубокія мѣста. Выкупавшись, мы пошли пить чай съ молокомъ и съ только что испеченнымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Послѣ чая всѣ разбрелись: кто пошелъ отдыхать, кто пошелъ въ лѣсъ за ягодами. Я съ однимъ кадетомъ отправился въ лѣсъ за грибами и, пройдивъ до обѣда, мы набрали полныя фуражки бѣлыхъ грибовъ. Часа въ три ротный командиръ предложилъ желающимъ побродить съ бреднемъ. Я и еще нѣкоторые товарищи отправились ловить живцовъ. Послѣ ловли бреднемъ, мы всѣ пошли на мельничный омутъ ловить рыбу. Однако ужение было малоуспѣшно. Часа въ шесть къ намъ подошли еще другіе кадеты. Проловивъ до вечера и выкупавшись, мы пошли пить чай къ воспитателю Л., жившему въ д. Букино, пригласившему насъ къ себѣ. Послѣ чая мы отправились въ Курцево, гдѣ и ужинали.

V кл.

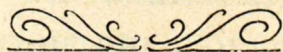
Элька.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Поздняя осень.

*Осень природу ко сну обнажала.
Грустно листья передъ смертью дрожали
И, обрываясь, съ деревьевъ спадали,
Гнили и землю ковромъ покрывали.
Солнце не грѣло. Лазурь не сіяла:
Въ савань стромъ такъ низко припала
Къ хладному тѣлу природы уснувшей,
Горькой слезой обливаясь. Гнетущей,
Тяжкой тоской сиротины безроднаго,
Вѣтра напѣвы звучали холоднаго.
Вотъ закрутились снѣжинки. Суровыми
Землю сковалъ ледяными оковами
Холодъ. Ужъ скоро фатой бѣлоснѣжною
Все онъ закутаетъ съ ласкою нѣжною.*

VI кл.

Е.

„КЪ МОРЮ“.

(Очеркъ).

Море могучее, непобѣдимое, необъятное, какъ безконечность, свободное море! Скажи, какой волшебной силы исполнено ты въ тихій лѣтній вечеръ, когда алая полоска чуть трепещущей зари показывается на горизонтѣ и освѣщаетъ тебя, а едва замѣтныя волны чуть слышно набѣгаютъ на песокъ, шепчутся съ нимъ и снова уходятъ? О чемъ думаетъ тогда твоя свободная стихія, о чемъ говорятъ тогда волны твои молчаливому, холодному песку? Повѣряютъ ли онѣ ему тайны твоей наболѣвшей души, рассказываютъ ли о красотахъ твоего подводнаго царства, поютъ ли грустную погребальную пѣснь несчастнымъ жертвамъ твоей грозной стихіи?

О, море! Такимъ я любилъ тебя. Ты было тихо и манило къ своему берегу меня, изстрадавшагося, усталого отдохнуть и послушать говоръ твоихъ тихо шептавшихъ волнъ. Въ ту свѣтлую минуту все твое безпредѣльное водное пространство съ едва замѣтными гребнями борющихся волнъ глухо рокотало и какъ бы говорило: «Сюда, ко мнѣ!» И отрывистая трель соловья, и твое чуть слышное глухое рокотаніе, и рѣзкій неприятный крикъ летающей надъ тобою стаи чаекъ, и едва уловимые звуки вальса, доносившагося откуда-то издалека,—все сливалось въ одинъ манящій аккордъ и повторяло: «сюда, ко мнѣ!»—

И я приходилъ къ тебѣ, море. Ты ободряло меня, успокаивало, давало силы продолжать жить, когда такъ хотѣлось забыться навсегда отъ окружавшаго меня ужаса. Нѣтъ, море! Тебѣ не понять того ужаса, который, какъ желѣзнымъ кольцомъ, сковалъ все мое существо, когда я остался одинъ, со всѣмъ одинъ. Часто ночью я просыпался отъ вѣчнаго моего спутника—тоски, и такъ тяжело, такъ невыносимо тяжело

становилось на душѣ, такъ больно щемило мое сердце, и я шелъ къ тебѣ.... Въ эти ночи, море, я тебя боготворилъ: темный, усыпанный миллиардами звѣздъ, съ тихо плывущей надъ полупрозрачнымъ пологомъ облаковъ луной, небосклонъ нависъ надъ твоимъ безконечнымъ пространствомъ, какъ бы стараясь обнять тебя и задушить въ своихъ объятіяхъ, а серебряный потокъ тихо льющихся лучей луны ласкалъ тебя и отражался безконечной свѣтлой полосой въ твоемъ зеркальномъ безконечномъ просторѣ. Въ тѣ ночи я подолгу лежалъ на твоемъ песчаномъ берегу, пока не начнетъ свѣтать и не подуетъ холодный утренній вѣтерокъ, пробуждая къ жизни уснувшую природу. Тогда я прощался съ тобою и уходилъ въ душную, пустую комнату и засыпалъ, успокоенный чарующимъ лепетомъ твоихъ волнъ..... И грезилось тогда мнѣ она, моя мечта, такая же свободная и гордая, какъ и ты, море въ грозную бурную ночь, когда съ бѣшеннымъ рѣвомъ бьются волны одна о другую и неудержимо несутся впередъ, раздражаясь гдѣ-то вдали горькими рыданіями. Я просыпался отъ этихъ рыданій, а передо мною все еще стояло ты, море; все еще чудился твой послѣдній звукъ, послѣдній, одинокій....

VI кл.

В. Р.

*
* *

Былъ тихій вечеръ.
Я отдыхалъ
И свѣжій воздухъ
Въ себя вдыхалъ.
Закатъ багровый
Еще пылалъ,
Но отблескъ слабый
Ужъ умиралъ.
И тѣни ночи
Вокругъ вились,
И звѣзды—очи
Во мгль зажглись,
Какъ духи рая,
Сіяли мнѣ
И, будто, звали
Меня онѣ.
И тихо вѣтеръ
Листвой шепталъ,
То пробуждался,
То умиралъ.
И чудной сказкой
Казалась ночь,
И всѣ волненья
Умчались прочь.
И вихремъ грезы
Въ умъ неслись,
И сладко слезы
Изъ глазъ лились.

*
* *

VI кл.

Непонятый.

Старшіе кадеты въ младшей ротѣ.

Какъ извѣстно, по желанію, кадеты VII и VI классовъ назначаются на должность старшихъ въ классныя отдѣленія младшей роты, являясь какъ бы въ помощь воспитателямъ этихъ отдѣленій. Какое огромное и трудное поприще открывается для ихъ честнаго благороднаго труда! Но почему-то у насъ, среди кадетъ сложилось мнѣніе, что дѣло это—«пустяки», что «тутъ нѣтъ ничего труднаго», что «все это очень просто» и наконецъ, самое печальное—слышишь вопросъ: «ну, какую я могу принести пользу?» Дѣйствительно, вопросъ трудно разрѣшимый.

Тѣмъ не менѣе, однако въ VII классѣ находится 5—6 человекъ, которые, выразивъ желаніе, идутъ на эти должности «старшихъ».

Первые дни кадеты эти ужъ очень рьяно принимаются за дѣло, почти все свободное время проводя среди «малышей», читая съ ними, дѣлая диктовки, помогая готовить уроки. Но вся ихъ дѣятельность въ такомъ духѣ продолжается всего недѣли 1½—3, до перваго «извода». Какойнибудь «малышъ», благодаря нѣкоторой нетактичности своего черезъ чуръ старательнаго «старшаго», начинаетъ его чѣмънибудь досаждать, подтрунивать надъ его рѣчами, манерами и въ концѣ концовъ изведетъ. Не выдержитъ старшій и, разсердясь, выйдетъ изъ себя и грозно накричитъ на малыша. Тѣмъ и кончается дѣятельность старшаго. Послѣ этого, обыкновенно, старшій начинаетъ все рѣже и рѣже появляться въ младшей ротѣ и, наконецъ, въ продолженіе цѣлыхъ недѣль не посѣщаетъ своихъ «малышей». Неправда-ли, какъ все это печально!

А между тѣмъ, сколько пользы могъ бы принести «старшій»! Знакомый хорошо съ нравами кадетъ—малышей, знакомый со всѣми ихъ недостатками, старшій съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности можетъ легко отмѣтить все нехоро-

шее и порочное у каждого своего малыша и, работая надъ исправленіемъ его недостатковъ, добрымъ словомъ и искреннимъ любовнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, если и не устранить совершенно недостатки, то ослабитъ ихъ.

Правда это не легко. Придется приложить массу труда, огромное терпѣніе и большую силу воли. Какъ бы «малышъ» ни изводилъ своего старшаго, никогда не слѣдуетъ старшему обращать вниманія на этотъ изводъ, а хладнокровно поговорить съ малышомъ и разъяснить ему его плохой поступокъ, пристыдить его. И мое глубокое убѣжденіе, что никакое наказаніе такъ не повліяетъ на малыша, какъ то, что онъ, сознавъ свою вину, замѣтитъ, что на него сердятся, но не наказываютъ. И это ему будетъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ какое либо наказаніе. Для успѣшнаго веденія своего дѣла, для желанія увидѣть скорѣе результаты своей работы, старшій кадетъ долженъ прежде всего стараться заслужить среди своихъ «малышей» уваженіе и любовь, что возможно только при условіи, когда старшій кадетъ будетъ обращаться со своими «малышами» не какъ начальникъ, а какъ старшій ихъ товарищъ. И когда «малыши» увидятъ, что ихъ старшій не «начальство», а только старшій товарищъ, желающій помочь имъ въ приготовленіи уроковъ, читающій съ ними интересныя для нихъ книги, водящій ихъ гулять въ городъ и т. п., то, мнѣ кажется, тогда не можетъ быть рѣчи и объ изводахъ или непослушаніи. Но стоитъ только разъ старшему показать видъ, что онъ чувствуетъ изводъ и тѣмъ самымъ отмѣтитъ слабость своего характера, отсутствіе воли и терпѣнія—все конечно. Ничто не возстановитъ больше его авторитета, и малышъ при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ стараться «насолить» такому старшему.

Такъ же одна изъ нелегкихъ задачъ старшаго кадета—это заинтересовать чѣмъ-либо своихъ малышей, умѣніе пробудить въ нихъ стремленіе къ труду, къ чтенію, особенно къ послѣднему. Только тогда, когда «малышъ» полюбитъ чтеніе—эту силу, обогащающую его знанія и расширяющую его умственный кругозоръ, только тогда будетъ возможно приучить малыша къ добросовѣстному труду и исполненію своихъ обязанностей. Разрѣшить эту задачу будетъ болѣе или менѣе легко тогда, когда старшій кадетъ хорошо знакомъ съ литературой и

умѣть дѣлать подходящій подборъ книгъ для совмѣстнаго чтенія со своими малышами.

Изъ всего сказаннаго выводъ тотъ, что идти въ старшіе кадеты имѣетъ право только тотъ кадетъ старшаго класса, который чувствуетъ къ этому дѣлу призваніе, обладаетъ добрымъ сердцемъ, крѣпокъ волей, имѣетъ природный тактъ и довольно начитанъ. Безъ названныхъ качествъ старшій кадетъ не только не принесетъ пользы, а можетъ принести и вредъ, и слѣдовательно поступитъ нечестно.

Я думаю, что товарищи-кадеты изъ моеѣ краткой замѣтки легко поймутъ мои мысли, какія я хотѣлъ высказать о дѣятельности старшихъ кадетъ, о трудной ихъ роли и о необходимости имѣть желаніе быть старшими не наружное, а внутреннее, взвѣсивъ свои силы, чтобы не уронить, не умалить въ себѣ понятія о долгѣ чести. Для будущаго воина—учителя народа, девизомъ должны быть прежде всего правдивость и честность.

VI кл.

В. Р.

Хроника кадетской жизни.

Посѣщеніе корпуса Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ
военно-учебныхъ заведеній.

12-го октября 1906 года корпусъ посѣтилъ Августѣйшій Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ. Прибывъ въ корпусъ въ сопровожденіи генераль-лейтенанта Бутовскаго, генераль-маіора Драшковскаго и полковника Ермолинскаго въ одиннадцатомъ часу утра, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО былъ встрѣченъ директоромъ корпуса, инспекторомъ классовъ и дежурнымъ по корпусу ротнымъ командиромъ. ЕГО ВЫСОЧЕСТВО былъ въ формѣ Л.-Гв. 4-го стр. ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи баталіона. Пройдя въ столовую, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО засталъ тамъ за завтракомъ кадетъ 2-й роты, съ которыми поздоровался и осчастливилъ многихъ милостивымъ разговоромъ. По уходѣ изъ столовой 2-й роты и приходѣ сначала 1-й, а потомъ 3-й роты, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО также здоровался и разговаривалъ съ многими кадетами этихъ ротъ. Въ этотъ же день ЕГО ВЫСОЧЕСТВО посѣтилъ уроки въ нѣкоторыхъ классахъ. 12 и 13-го октября на вечернихъ занятіяхъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО обходилъ всѣ классы, лично разговаривалъ съ каждымъ кадетомъ и ближе старался познакомиться съ его положеніемъ, интересовался его поведеніемъ и успѣхами.—13 и 14-го посѣщалъ уроки и лично испытывалъ знанія кадетъ. Въ перемѣны между занятіями ЕГО ВЫСОЧЕСТВО оставался въ рекреационныхъ залахъ ротъ и много бесѣдовалъ и шутилъ съ кадетами, проявляя въ этихъ отеческихъ бесѣдахъ свою глубокую искреннюю любовь къ кадетамъ.

Во время пребыванія ЕГО ВЫСОЧЕСТВА въ стѣнахъ корпуса, пріемная была часто посѣщаема частными лицами, желавшими обратиться къ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ съ различными просьбами; ЕГО ВЫСОЧЕСТВО всѣ просьбы выслушивалъ внимательно.

14-го октября, вечеромъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО присутствовалъ у всенощной въ корпусной церкви, а затѣмъ, обойдя все роты въ корпусѣ, простился съ кадетами, причемъ каждый изъ кадетъ на память отъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА получилъ Его визитную карточку. Въ десятомъ часу вечера ЕГО ВЫСОЧЕСТВО отбылъ изъ корпуса на Ромодановскій вокзалъ желѣзной дороги для слѣдованія въ Москву черезъ ст. Тимирязево Московско-Казанской желѣзной дороги. По просьбѣ кадетъ 1-й роты, имъ было разрѣшено проводить ЕГО ВЫСОЧЕСТВО до вокзала. Передъ переходомъ въ вагонъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО обратился къ кадетамъ, построеннымъ на платформѣ у поданнаго поѣзда, съ краткой рѣчью, въ которой высказалъ увѣренность, что кадеты добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и особенно къ ученью выработаютъ изъ себя честныхъ слугъ Престолу и Родинѣ. Послѣ рѣчи ЕГО ВЫСОЧЕСТВА директоръ корпуса провозгласилъ «ура» Августѣйшему Главному начальнику и Его сыну, Нашему Августѣйшему кадету. Дружное «ура» въ отвѣтъ на слова директора долго не смолкало. Въ виду отхода поѣзда только раннимъ утромъ, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО вошелъ въ вагонъ для отхода ко сну и черезъ окно послѣдній разъ простился съ кадетами, послѣ чего кадеты покинули вокзалъ и вернулись домой въ корпусъ.

Дмитріевская суббота.

20 октября 1906 года въ корпусѣ состоялось празднованіе Дмитріевской субботы.

Къ этому дню были собраны корпусомъ свѣдѣнія о погибшихъ за русско-японскую войну питомцахъ корпуса *), и имена ихъ были занесены на черныя мраморныя доски, которыя предполагалось въ этотъ день перенести въ церковь. Къ этому же времени былъ присланъ въ корпусъ на храненіе вѣнокъ, возложенный на гробъ генерала Кондратенко Одесскимъ торговымъ обществомъ. Празднованіе заключалось въ слѣдующемъ: въ 3 часа дня, послѣ уроковъ кадеты всехъ ротъ во главѣ съ директоромъ корпуса генераль-маіоромъ Жилинскимъ и др.

*) Списокъ питомцевъ корпуса, погибшихъ въ Русско-японскую войну помѣщенъ въ концѣ журнала.

начальствомъ собрались въ портретномъ залѣ, куда были принесены доски и вѣнокъ Кондратенко. Когда всѣ были въ сборѣ, законоучитель корпуса обратился къ присутствующимъ и разъяснилъ имъ историческое и религіозно-нравственное значеніе празднованія Дмитріевской субботы, послѣ чего корпуснымъ причтомъ была отслужена панихида. По окончаніи панихиды помощникъ инспектора классовъ подполковникъ Сумцовъ прочелъ списокъ павшихъ въ войнѣ воспитанниковъ корпуса, а директоръ корпуса въ своей рѣчи разъяснилъ кадетамъ воспитательное значеніе этого событія, а также и причину появленія въ нашемъ корпусѣ вѣнка Кондратенко; въ заключеніе сказалъ нѣсколько словъ о доблестныхъ качествахъ покойнаго генерала. Послѣ рѣчи директора, корпусный хоръ исполнилъ гимнъ: «Братья, всѣ въ одно моленье», по окончаніи чего впередъ были вызваны назначенные для несенія досокъ и вѣнка кадеты, которые понесли ихъ на плечахъ въ кадетскую церковь; за ними слѣдовало корпусное духовенство въ полныхъ облаченіяхъ и остальные кадеты. Все время пока тянулась процессія, кадетскій оркестръ, расположившись у параднаго крыльца, исполнялъ «Коль славень». Въ церкви была отслужена литія и превозглашена вѣчная память всѣмъ питомцамъ корпуса, убитымъ въ Русско-японскую войну; затѣмъ доски были размѣщены на надлежащихъ мѣстахъ въ церкви.

Вечеромъ, въ этотъ же день въ корпусѣ состоялось чтеніе съ туманными картинами, въ которомъ законоучитель выяснилъ кадетамъ значеніе Куликовской битвы въ связи съ празднованіемъ дня Дмитріевской субботы, чѣмъ и закончилось празднество 20 октября.

Ротный праздникъ 1-й роты.

8-го ноября, въ день Св. Арх. Михаила *) 1-я рота корпуса праздновала свой ротный праздникъ. Послѣ утренней молитвы дежурнымъ воспитателемъ были прочитаны полученныя къ этому дню нижеслѣдующія поздравительныя телеграммы отъ бывшихъ Аракчеевцевъ:

*) Ротный образъ Св. Михаила Архангела сооруженъ усердіемъ офицеровъ и кадетъ Новгородскаго корпуса въ 1836 году.

Директору корпуса. Просимъ Ваше Превосходительство передать искренній привѣтъ и поздравленіе дорогимъ однокашникамъ съ ротнымъ праздникомъ. Отъ души желаемъ процвѣтанія родному корпусу на пользу и славу горячо любимой Родины.

Павловцы-Аракчеевцы.

Директору корпуса. Поздравляю доблестныхъ товарищей, дорогихъ воспитателей ротнымъ праздникомъ. Пью за процвѣтаніе родного гнѣзда.

Викторъ Дмитровскій.

Первой ротѣ. Поздравляемъ офицеровъ и дорогихъ товарищей съ ротнымъ праздникомъ. Пьемъ здоровье всѣхъ. Ура!

Юнкера Царской сотни: Черкасовъ и Мазуркевичъ.

Вице-фельдфебелю. Нашимъ дорогимъ Аракчеевцамъ шлемъ сердечное поздравленіе съ ротнымъ праздникомъ и жалѣемъ, что не можемъ участвовать на праздникѣ родного гнѣзда.

Александровцы.

Вице-фельдфебелю. Поздравляемъ дорогихъ товарищей съ ротнымъ праздникомъ.

Константиновцы.

Затѣмъ кадеты пошли въ церковь, гдѣ прослушали литургію и, возвратившись, присутствовали на молебнѣ въ ротномъ залѣ.

Послѣ молебна директоръ корпуса обратился къ кадетамъ съ рѣчью, въ которой благодарилъ за хорошее поведеніе и выразилъ надежду, что поведеніе на будущее время будетъ еще лучше.

Послѣ этого кадеты пошли въ столовую на обѣдъ, во время котораго игралъ духовой оркестръ, составленный изъ кадетъ-музыкантовъ.

Для директора корпуса, ротнаго командира и г.г. офицеровъ-воспитателей тутъ же былъ сервированъ особый столъ. Во время обѣда директоръ корпуса сказалъ кадетамъ слово, въ которомъ указалъ, что онъ желалъ бы, чтобы между кадетами и начальствующими лицами была крѣпкая органическая связь, чтобы Нижегородскій корпусъ былъ бы одинъ изъ лучшихъ корпусовъ, оправдывая надежды ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА, и что кадеты выйдутъ изъ корпуса честными за-

щитниками своей Родины. Въ заключеніе слова, директоръ провозгласилъ тосты за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Верховнаго Вождя русской арміи, и АВГУСТѢЙШАГО Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній. Оба тоста были покрыты долго несмолкаемыми и дружными кликами «ура». Обѣдъ прошелъ оживленно и длился болѣе часа. Послѣ обѣда всѣ кадеты были отпущены въ городской отпускъ. Вечеромъ состоялся въ 1-й ротѣ танцевальный вечеръ. Приглашенныхъ гостей было около 400. Вечеръ продлился до 2-хъ часовъ ночи и прошелъ весьма оживленно

День 26-го ноября.

26-го ноября, въ день Орденскаго праздника Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, 2-я рота корпуса праздновала свой ротный праздникъ.

Послѣ Божественной литургии въ корпусной церкви, всему корпусу въ городскомъ манежѣ состоялся парадъ съ выносомъ въ строй знамени.

Къ 12 часамъ дня всѣ три роты въ полномъ составѣ были выстроены въ манежѣ пополуротно. На лѣвомъ флангѣ помѣстился кадетскій оркестръ. Парадомъ командовалъ Командиръ 1 роты.

Вскорѣ въ манежъ прибылъ директоръ корпуса. Принявъ рапортъ командовавшаго парадомъ, директоръ, здороваясь, обходилъ ряды кадетъ, причемъ 2-ю роту поздравилъ съ ротнымъ праздникомъ.

Затѣмъ былъ отслуженъ молебенъ, къ аналою было вынесено знамя. Послѣ молебна роты перестроились къ церемониальному маршу и со знаменемъ прошли передъ директоромъ корпуса.

По случаю ротнаго праздника 2-й роты на кадетскомъ каткѣ было устроено катанье; игралъ оркестръ музыки мѣстнаго резервнаго баталіона.

Къ 1 часу дня стали на катокъ собираться приглашенные кадетами гости. Катанье было довольно оживленное и продолжалось до 3 ч. дня, послѣ чего гости перешли въ портретный

залъ корпуса, гдѣ по просьбѣ кадетъ, были устроены танцы подъ рояль. Въ 5-мъ часу гости разошлись.

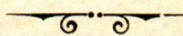
Вечеромъ кадеты 1-й и 2-й ротъ были въ городскомъ театрѣ и прослушали трагедію Шекспира «Отелло».

Мелочи кадетской жизни.

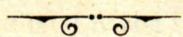
Съ начала 1906—07 учеб. года въ корпусѣ введено обученіе кадетъ VII класса верховой ѣздѣ. Ъзда бываетъ разъ въ недѣлю. Обученіемъ завѣдуетъ артиллерійскій офицеръ мѣстной артиллерійской бригады. Къ верховой ѣздѣ кадеты относятся съ большимъ интересомъ и многіе уже теперь довольно правильно ѣздятъ; нѣкоторые проявляютъ и искусство.

Ъзда происходитъ въ манежѣ артиллерійской бригады.

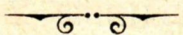
Кадеты—именинники въ день своего ангела освобождаются отъ посѣщенія двухъ первыхъ уроковъ съ цѣлью имѣть возможность сходить въ приходскую церковь помолиться своему Ангелу-Хранителю и тѣмъ нѣсколько скрасить день своего ангела.

За обѣдомъ такимъ кадетамъ дается сладкое блюдо въ увеличенномъ размѣрѣ.

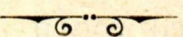

Кадетскій катокъ въ настоящую зиму освѣщается двумя большими электрическими фонарями и обсаженъ кругомъ елками, что вечеромъ придаетъ ему прекрасный видъ и располагаетъ кадетъ къ увлеченію такимъ полезнымъ спортомъ, какъ катанье на конькахъ.

Въ нѣкоторые праздники, днемъ на каткѣ играетъ оркестръ музыки мѣстнаго резервнаго баталіона, и кадетамъ въ это время разрѣшается приглашать на катокъ кататься знакомыхъ барышень.

Еженедѣльно, по четвергамъ, если нѣтъ большого мороза, кадеты 1-й и 2-й ротъ совершаютъ по городу военныя прогулки съ оркестромъ музыки.

По субботамъ, послѣ всенощной часто бывають чтенія съ туманными картинами какъ научнаго, такъ и литературнаго содержанія. Такъ, состоялись чтенія гг. преподавателей по исторіи и астрономіи весьма интереснаго содержанія. Для маленькихъ кадетъ 3-й роты бывають чтенія съ туманными картинами небольшихъ разсказовъ; такія чтенія иногда ведутъ кадеты старшихъ классовъ, читають недурно.

СПИСОКЪ

БЫВШИХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ КОРПУСА, УБИТЫХЪ И УМЕРШИХЪ
ОТЪ РАНЪ ВЪ РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ 1904—1905 г.г.

(Въ хронологическомъ порядкѣ ихъ смерти).

1. Подпоручикъ 20-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Владиміръ Николаевичъ **Заевъ**.
2. Подпоручикъ 5-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Алексѣй Дмитриевичъ **Меркульевъ**.
3. Командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи Генераль-Маіоръ Леонтій Владиміровичъ **Мартсонъ**.
4. Поручикъ 137 пѣх. Нѣжинскаго полка Георгій Матвѣевичъ **Широкинскій**.
5. Полковникъ 9-ой артиллерійской бригады Георгій Васильевичъ **Панпушко**.
6. Капитанъ 140-го пѣхотн. Зарайскаго полка Николай Амвросіевичъ **Козелло**.
7. Подпоручикъ 26-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Борисъ Владиміровичъ **Рафаловичъ**.
8. Подполковникъ 28-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Александръ Сергѣевичъ **Глаголевъ**.
9. Подполковникъ 8-го стрѣков. полка Михаилъ Васильевичъ **Косаговскій**.
10. Поручикъ 98-го пѣхотн. Юрьевскаго полка Александръ Васильевичъ **Сильновъ**.
11. Капитанъ 36-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Александръ Евгеньевичъ **Протопоповъ**.
12. Капитанъ 7-го стрѣлковаго полка Александръ Гавриловичъ **Григорьевъ**.

13. Подъесауль 4-й Забайкальской казачьей батареи Киръ Николаевичъ **Коптевъ**.

Списокъ составленъ на основаніи официальныхъ свѣдѣній, полученныхъ корпусомъ до 25 января 1907 г.

Въ виду трудности полученія точныхъ свѣдѣній объ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ въ войну съ Японіей бывшихъ воспитанниковъ корпуса и потому возможныхъ въ списокъ пропусковъ, редакция журнала, обращаясь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ возможность указать на пропускъ кого-либо въ списокъ, убѣдительно проситъ прислать корпусу о томъ свои заявленія, сообщивъ, по возможности, гдѣ и когда бывшій воспитанникъ былъ убитъ или получилъ смертельную рану.

Такъ какъ въ стѣнахъ корпуса предложено въ скоромъ времени устроить витрину съ портретами указанныхъ питомцевъ корпуса, и большинство портретовъ ихъ (изъ числа 13) корпусомъ уже получено, то желательно при заявленіи о боевой смерти питомца получить и его фотографическую карточку для снятія копии и помѣщенія въ витрину.

Редакторъ **Л. Кравковъ**.

Помощ. редактора **В. Ранвидъ**.

Печатано съ разрѣшенія директора корпуса генераль-маіора **Жилинскаго**. Января 25-го дня 1907 года.

Тип. Тов. Труд. Печ. дѣла. Н.-Новгородъ, Б.-Покровка, д. Колчина.

